

Пролог

Она помнила, как искала сказку.

Искала сказку, а нашла смерть.

Она сломалась, точно брошенная с верхней ступеньки кукла с подвижным деревянным тельцем, но думала почему-то лишь о том, что кого-то очень сильно подвела. А вокруг горячо дышала земля, обжигая ободранную кожу.

Она лежала в темноте и старалась удержать в памяти живой образ, но вскоре он оставил ее, звонко рассмеявшись напоследок. Она тоже хотела смеяться, но грудную клетку сдавило. Когда мир померк, она не удивилась, только пожалела о чем-то глупом.

«Я не дочитала книгу».

«Я не застелила кровать».

А затем все ушло. Тихо и не оборачиваясь.

* * *

— Она очнулась.

Голос звучал нечетко, как из-под воды, на веках отплясывали яркие блики, а тело ненавидело ее — яростно затапливало

волнами боли. Она радовалась каждому отливу — один вдох, второй — и смирялась с приливами, не в силах даже застонать.

— Можете говорить? — спросил все тот же мягкий голос. Таким говорят лишь те, кто, искренне волнуясь, пытается укутать пуховым одеялом слов.

— Вы... — пробормотала она, но не услышала себя. Разве что почувствовала, как склеившиеся губы теперь неохотно разлепляются и трескаются, точно почва под слепащим Зерцалом.

— Замечательно.

Голос унесли ноги, оставив ее одну. А она не понимала, как может так болеть тело, прежде выносившее и тренировки, и глупые детские переломы. Она ойкнула, горло засадило — казалось, она зачем-то проглотила кактус. Наконец голова начала вспоминать, что вообще-то приделана к человеку. К человеку с именем, прошлым, множеством постыдных историй и целой судьбой — ее теперь и хотелось за тоненький хвостик вытащить наружу. Но та не поддавалась, упрямилась.

Постепенно она вытянула хотя бы имя. Искра. Короткое и будто ненастоящее — ну кто вообще так называет людей? Она не помнила, как выглядит, чем увлекается, но почему-то думала: нет, совершенно точно это имя не подходит ей. Подобно платью не по размеру или очень маленьким ботинкам.

С огромным трудом Искра все-таки разлепила глаза — вернее, сперва один, второй послушался не сразу. Она лежала на узкой, но удобной кровати у самого окна, из которого лился яркий свет. В первые же мгновения она словно ослепла: мир заполнился хищной белизной, пожирающей покрывало, и стулья, и высокий деревянный шкаф. Только привыкнув, Искра поняла, что комната морковно-рыжая, а у двери двумя низенькими стражниками стоят густые круглые кусты. Захотелось запустить в них пальцы: почувствует ли она приятную щекотку дрожащей

мелкой листвы или вены-прожилки? Рука дрогнула, но больше не пошевелилась. Искра, страдальчески выдохнув, вернулась к пустым закуткам собственной памяти.

— Хвала богине! — послышалось от двери.

Искра не повернула голову — не смогла, — но окинула вошедшего взглядом, о чем тут же пожалела. Боль старательно вбивала гвозди в череп, отвлекаясь лишь иногда и ненадолго. Человек в дверях был ей незнаком. Смуглый, замотанный в белое, точно в простыню, со множеством браслетов, которые позвякивали на запястьях при каждом движении. Звяк — и очередной гвоздь врѣзался в череп. Звяк — снаружи осталась лишь плоская шляпка, вокруг которой заплясали трещины.

— Я... — прошелестела Искра, но голос утонул в хлопающих на ветру занавесках, задевавших ее макушку. — Жива?

Человек скрылся за стеной, а его белая улыбка, ослепительная, как само Зерцало, долго еще висела в темном прямоугольнике двери.

Он вернулся вскоре с кривоватой глиняной кружкой, на боку которой были нацарапаны то ли буквы, то ли заклинания. Присел рядом и стал медленно пить холодной водой. Она сбегала из уголков рта, текла по лицу, пропадая затем в волосах. Как же Искре было хорошо, как же мало.

— Еще, — попросила она, а глазам стало мокро и так солено, что она почти разозлилась на свою беспомощность. Но добрый человек достал платок прямиком из широкого рукава и утер безжалостные слезы.

Спустя несколько кружек, спустя бесконечное множество улыбок, когда тело наконец чуть ожило, добрый человек произнес невозможное:

— Вы живы. — И добавил тише, почти неверяще: — Мне, конечно, о таком рассказывали, но видеть воочию... Чудо. Какое чудо!

Он поведал все. Как Искру нашли у входа в старый город, как принесли на отрезе ткани перекрученную, словно половая тряпка, истерзанную, но дышащую. С должным старанием добрый человек возвращал на место каждую косточку. Со своими помощниками он общался рублеными фразами, много пил, но почти не ел: боялся, что волшебство, помогавшее Искре держаться за хрупкую жизнь, истлеет, оставив его наедине с пустым, посеревшим телом. Но чудо только расцветало, подобно пышному кусту: к концу дня затянулись раны, выровнялось дыхание, вернулся здоровый румянец. Добрый человек осматривал Искру, помня каждый из бесчисленных переломов. Но все срослись. И только нос с горбинкой — травма старая, родная — остался прежним.

— Все болит, — сказала Искра, опустив ресницы и из-под них глядя на ладонь доброго человека, заботливо ощупывающую ее запястье. Собрала остатки сил — сгребла в кучу растрепавшимся веником — и подняла руку. Так славно, когда тело пусть неохотно, но слушается беззвучных приказов.

— Осторожнее! — Добрый человек встревоженно дернулся. Искра в ответ лишь растопырила пальцы и попыталась улыбнуться.

Вслед за ярким именем в памяти ожили работа, дом, полный детей, ласковый морской ветер и белые камни мостовой. Чернота зияла лишь в недалеком прошлом: Искра, как ни силилась, не могла вспомнить, куда шла и почему вдруг сломалась. Вот она стоит у ворот, за которыми простерся до горизонта зеленый луг, кое-где обрамленный деревьями. А вот уже лежит здесь, на мятых, мокрых от пота и пролитой воды простынях, стыдась того, что где-то копятя дела, дожидаются своего человека. Если, конечно, ее, так внезапно пропавшую, не отстранили насовсем, отдав освободившееся место кому получше.

— Скажите хоть, где я.

Она приподнялась — добрый человек поддержал под спину, — села, голова безвольно рухнула на грудь. Искра даже испуганно обхватила ее ладонями: вдруг отвалится, спружинит о колени, укатится в один из углов комнаты?

— Рамих, — односложно ответил добрый человек, добавив ноты улыбки в голос. Искра посмотрела на него из-за упавших на лицо свалывшихся волос.

Она давно мечтала побывать здесь, увидеть воочию, как посреди пустыни зеленеет обнесенный высокими стенами город. Как выгибаются над каналами деревянные спины мостов и белеют купола дворца, как шумят базары и сидят на цветастых коврах люди, разложив вокруг себя товары. Все это отпечаталось в памяти буквами с книжных страниц, хрупкими образами, быть может и далекими от действительности. Искре бы хотелось убедиться — или разувериться — лично. Но сейчас она думала лишь о том, как бы встать поскорее с кровати, как бы уйти — и не умереть по дороге повторно.

Как странно: помнить мелочи из босоногого детства и такой же босоногой, до сих пор не закончившейся юности, но почти забыть, что случилось пару дней назад. Будто кто-то взял Искру огромной рукой, сжал в кулаке да и переложил на кровать в далеком Рамихе.

Искра суетливо заерзала, запуталась в покрывале под сдержанные смешки доброго человека, но не смогла даже спустить с кровати ноги. Тело снова отяжелело — даже голова вскоре рухнула камнем на подушку. Искра вся была болью, терпимой, но от этого не менее неприятной. Тревожные слезы запутались в ресницах, размыли рыжину вокруг.

— Вы, наверное, проголодались? — спросил расплывшийся добрый человек, мягко поправляя покрывало.

— Да, — только и смогла ответить она, прежде чем расплакаться.

Как глупо было дотянуться до согревающих лучей мечты — и отступить в привычную прохладу тени, не прикупив даже ничего бесполезного, но радующего — вроде лампы, для которой у Искры точно не было ни масла, ни огня.

Все-таки смерть не считается уважительной причиной не выйти на работу.

* * *

Силы возвращались так же быстро, как уходила боль. Искра, по праву считавшая себя если не самым невезучим человеком на свете, то уж точно отчаянно борющимся за это звание, даже ткнула себя вилкой — удостовериться, что ее не окурили ничем, не опоили. Но зубцы больно куснули бок, и Искра негодуяще фыркнула, будто не сама пыталась проделать в себе четыре дырки. Добрый человек старательно сдерживал смех, но тот сам сбегал с губ, рассыпался сотней стеклянных шариков. Искре становилось неловко — за себя, за вилку, за белое хлопковое платье, в котором она выглядела как беспокойный дух. Ее одежда была безнадежно испорчена — и это описание не передавало того ужаса, который пережила бедная ткань, изорванная в лоскуты. Но Искре хватит и платья, чтобы добраться до дома-без-дома — точнее, до крохотной, почти пустой комнатки, которую ей когда-то выделили.

Беспокоило иное: деньги. Путь из Рамиха до Альруна лежал неблизкий, за это время Искру точно похоронят — минимум дважды — и несколько раз уволят. Верхом дорога значительно укорачивалась, но и оплата возрастала вдвое. Считать Искра умела, но при попытке удвоить ноль — а именно столько денег при ней было — неизбежно грустила.

Оставался еще маяк-портал. Мастера порталов возводили такие в каждом из крупных городов и время от времени

перезаряжали. Выглядели маяки любопытно, мимо не пройдешь точно: белокаменное древо, над ветвями которого парил синий кристалл-слеза. Хотя, когда смотришь на такое постоянно, часть очарования теряется.

Из всех вариантов этот был самым дорогостоящим. Камни, резонирующие с маяком, продавались, конечно, везде, но, даже если Искра продаст любезно выделенное ей платье, этого не хватит. Не говоря уж о том, что рассекать без одежды ее не прельщало. Поэтому Искра так удивилась, когда в ладонь ей легли три камня — столько и надо было для обратного пути. Но возмутиться толком не успела.

— А это ваше, — сказал добрый человек. — Может, одежду и не смогли сохранить, но хотя бы камни. И оружие.

Оружие. Значит, оружие у нее все-таки было. Про деньги спрашивать не стала: как-то неудобно.

— Вы уверены, что хотите уйти? — спросил у нее добрый человек на третий день, как раз когда она проверяла себя на прочность вилкой.

— Конечно!

Для верности она пырнула себя в плечо, которое тут же негодующе отозвалось, напомнив, что тело все еще чувствует, просто та, старая боль милостиво покинула его. Однако больше удивляло не это. Она не услышала ни одного «Останьтесь», ни одного «Вас следует изучить. Желательно — вскрыть. Желательно — сейчас». И она бранила себя за то, что в принципе такого опасалась. Добрый человек ведь отпаивал Искру бульоном, оттирал жирные следы с ее подбородка и не раз помогал подняться, удерживая под локоть, пока ее колени пытались неуклюже съехаться вместе.

— Позвольте у вас спросить, — все-таки не удержалась она и подняла руку с вилкой, привлекая к себе внимание, — почему вы не хотите оставить меня? Исследовать мой... богатый

внутренний мир? — Она провела ногтем от ключичной ямочки вниз, туда, где под тканью прятался пупок.

— Вас сберегла богиня, — ответил добрый человек, сложив вместе шершавые ладони. Уже казалось, что он попросту не умеет не улыбаться. — Ее дары следует принимать с должной благодарностью, а не подвергать сомнениям. Так и разгневаться недолго.

Почему-то Искра сомневалась, что спасла ее именно богиня. Она, безусловно, могла — и люди верили в ее благородную щедрость. Искра ходила в церковь, если не забывала, молилась — своими словами, — а еще старалась не ругаться. Но достаточно ли этого для настолько богатого дара? Обмен казался неравноценным, почти как покупка просторного дома с печью за три сухих боба и черенок от лопаты. К тому же у богини наверняка были дела поинтереснее, нежели наблюдать за бедняжками, невесть зачем отправившимися в пустыню. Ее — так казалось Искре — больше влекли герои и ученые. Все те, кто поливал и удобрял Мировое древо.

Искра не стала оскорблять подобными размышлениями ни доброго человека, ни вездесущую богиню, а просто тихо попросила обувь, ни на что толком не надеясь. Ей и без того дали платье, а она в ответ могла бросить лишь ничего не стоящее «благодарю». Она даже украшений не носила: нечего было бы снять и оставить на подушке перед уходом в знак признательности. Могла, конечно, оставить меч, но в тот момент полудздравая мысль так и осталась где-то на задворках.

— А можно я хотя бы... приберусь тут у вас? — жалобно предложила она, уронив взгляд себе под ноги. Добрый человек не стал отказываться, он радушно снял с нее часть груза вины и вышвырнул в распахнутое окно.

Когда Искра покидала невообразимо длинный дом — она и представить не могла, сколько там комнат, пока не взялась

за ведро и тряпку, — на Рамих опрокинулась ночь, залив его черновато-синей краской. Искра почти не видела красоту города, окутанного сумраком, но все равно старательно щурилась, скользила глазами по очертаниям деревьев и изогнутым зданиям, будто перетекающим одно в другое, по садам на крышах. Она шла, глядя на ленту звезд, извивающуюся над головой, пока вдруг не заплакала — у самых ворот, перед грозной стражей.

Она не помнила, как попала сюда. До сих пор.

И даже не удосужилась спросить дорогу к маяку у доброго человека. Уверенность спорхнула с плеч крикливой галкой и унеслась в ночь. Стражи, в белом среди черноты, с покрытыми головами и опасно острыми изогнутыми мечами у бедер, хмуро смотрели за тем, как Искра трет кулаками лицо, стараясь хотя бы не шмыгать носом слишком громко.

— А вы... — обратилась она к стражам, но мысль о том, что они могут и не понять ее речи, больно влетела в затылок. Это добрый человек откуда-то знал ее язык.

Но они поняли. Ломая привычные слова, рассказали, где прячется ближайший маяк, и даже посочувствовали: Рамих ценил гостей. «И их деньги», — пошутил один из стражей, за что тут же получил от старшего и более бородатого сослуживца. У Искры даже вышло улыбнуться — и свистнуть носом на вдохе. Стражник помоложе и пообщительнее вызвался проводить ее, не удержавшись от очередной колкости: где это почтенная госпожа, в одном лишь белом платье и с мечом, хранит камни? И не задумала ли она зла?

И правда, Искра выглядела подозрительно, да и вела себя не лучше. Она потупилась, разжала левый кулак, показав три камня на ладони и чудом не начав оправдываться. Дорога холодила босые перепачканные ступни, а в окнах ближайших домов золотилась жизнь. Искра подглядывала, желая уцепиться хоть

за краешек уюта, пока ее развлекали неловкой беседой: наверняка его, этого юношу, не обучали вести себя с потерявшимися девушками. Искра, как она вспомнила тоже, была частью альрунской стражи. Но вслух не призналась.

— Легкой дороги, загадочная госпожа, — пожелали ей напоследок. А она и не нашлась с ответом, только представилась невпопад, на что юноша засмеялся и почти восхитился: — Искра — это же как вспышка!

Искра смутилась: так-то оно так. Но имя ей дали за то, что однажды вылетевший из костра уголек, задорно треснув, подпалил ей новое платье, хотя она даже у огня не ютилась. Так взрослые, прежде гадавшие, как назвать непримечательную малышку, и выбрали имя яркое, неподходящее, зато играющее всеми оттенками ее неуклюжести.

Взрослая Искра выбросила из имени две буквы — это вспомнилось внезапно, хотя она уже успела представиться всем этим смущающим до пылающих ушей словом.

— Иса! Меня зовут Иса! — выкрикнула она, когда маяк-портал слабо засиял синим, утягивая ее на тайные тропы.

Но ее вряд ли услышали.

Напоследок оглядывая Рамих, Иса увидела вдалеке дымчатые очертания Мирового древа — правы были люди: его можно приметить, наверное, из любой точки, а вот подойти-подбежать к нему не удавалось, кажется, никому. Или те, кто однажды коснулся ствола, попросту не воротились.

* * *

В Альруне ее встретили, будто она и не пропадала вовсе — так, отгуляла заслуженные выходные. В голосах сослуживцев сквозило разве что легкое недовольство: пока она якобы гуляла по Рамиху и ела фрукты, названий которых тут и не слышали,

они все работали, а значит, пора ей снимать с чужих, бесспорно, крепких спин свои брошенные дела. Но если Иса и правда развлекалась в своем странном путешествии, то до потери памяти, как иные стражники в трактирах по вечерам.

Радовался ее возвращению, пусть и не от всего сердца, разве что Торстейн Гастферн: он-то вынужден был патрулировать без напарника, но за те же деньги. Рыжий и болтливый, совершенно невыносимый, именно он, в отличие от других, хотел послушать рассказы о Рамихе. Пускай заботили его только две вещи: еда и женщины. Иса честно ответила, что еду она там видела. Да и женщин — тоже. Напарник обозвал ее балдой и отправил переодеваться, заметив, что стражник в платье — не настоящий стражник. «Ну и ладно. Буду игрушечным», — заворчала она, прислонив меч к стене комнаты и положив уже растратившие волшебство камни на подоконник.

— А как тебе вообще там, Искра Находка? — донеслось из-за двери. Иса, стягивая платье через голову и заваливаясь на кровать, бросила:

— Ну, не особо помню. А еще я умерла.

Торстейн, видимо, воспринял это как глупую шутку. Мало ли, какую нелепость можно услышать от девушки, которая один раз не вышла на работу, потому что одеяло связало ее и не хотело отпускать. Или попросила в долг, когда заработанные деньги ukrала живая слизь. Она и сама, глядя на привычные дороги, на свисающую с подоконника сочную зелень, постепенно переставала думать о добром человеке, о невообразимо длинном доме, о накрытом ночью Рамихе.

И о черноте, укравшей воспоминания.

Глава 1

Рыцарь Искра

Легенда гласила, что весь мир держится на корнях огромного древа, необъятная крона которого теряется в небесах. И правда, оно всегда мелькало где-то на границе зрения, не давая о себе забыть. Люди верили в его исключительную доброту и старались заботиться о древе, каждый по-своему — кто-то даже украшал одежду узорами из ветвей и листвы. И в его хранильницу, Прекрасную Эйр, верили не меньше. В ее честь возводили храмы и устраивали празднества. Ходили байки, что к Эйр, в отличие от Мирового древа, можно навестись — если очень постараться и добиться приглашения.

Иса о такой встрече никогда не мечтала, и случившееся в далеком Рамихе ее только смущало: это в каком же неприглядном виде ее, возможно, застала Терпеливая Эйр!

С той истории прошло порядочно времени. Как оказалось, даже если ты умираешь, а затем возвращаешься, жизнь не прекращает свой бег. Та же работа, те же утренние ритуалы — умыться, расчесаться, пожалеть, что с собой нельзя взять книгу, — те же разговоры с напарниками. Правда, порой, стоило Исе чуть зазеваться, она обнаруживала на носу своего сапога сгусток живой слизи, но эти существа, от природы

глуповатые, просто не боялись людей. Да еще горн, оповещающий об опасности, звучал чаще обычного, хотя в итоге никакой опасности и не было. Иса тихо радовалась привычному течению дней. А в первый же совершенно незаслуженный выходной, получив горсть монет, решила совершить паломничество в детство.

Утренний Ильгерд пах морем: оно окружало его со всех сторон. Шумело, накатывало на пляжи, отпечатывалось влажными узорами на камнях, а затем, будто приняв поражение, отступало. Вот уже много лет оно хищно обтачивало остров, и вот уже много лет он стоял, удивляя чистотой белокаменных мостовых. В сердце его, где в прочих городах горделиво возвышались церкви и замки, раскинулся печальный полосатый шатер — большой приморский рынок. Под плотной тканью обычно прятались от разгорающегося Зеркала местные торговцы. Пока же рядом с медленно ползущей тенью суетилась у низенького деревянного стола одинокая девчушка с копной каштановых кудрей-пружинок. Собрав их в хвост, она расстелила расшитый цветами платок и теперь раскладывала на нем стучащие друг о друга полупрозрачные синие камушки.

Тук, тук, тук.

— Ой, вы заходите попозже! — Девчушка, заметив, что за ней наблюдают, прищурила карие, с озорной рыжиной глаза да и сунула под один из камушков картонку с ценной. — Вот как Зерцало над головой будет, — сказала она и вернулась к туго набитому мешку, из которого змеились атласные ленты.

Рынок манил людей со всех окрестных уголков. Уж если где могли торговать с размахом, так это здесь, в Ильгерде. Разнообразная еда сменялась узорчатыми тканями самых необычных расцветок, рядом с безделушками лежали волшебные редкости вроде крохотного замка-подсвечника из глины и ракушек, сделанного своими руками, лишь с щепоткой магии. Уйти отсюда,

не прикупив ничего, было практически невозможно. Даже стойкая — а точнее очень бедная — Иса с тоской смотрела на криво нарисованное на картонке число. И не до конца понимала, зачем ей нужны эти камушки. Разве что положить в мешок, чтобы они там весело отстукивали дробь при каждом шаге. Они, конечно, усиливали способности и помогали не расходовать собственную магию. Но зачем они, когда из способностей у тебя — только умение путаться в своих ногах?

— Ой, а вы это что, тоже торговать? — обратилась к ней девчушка с каштановой копной, накрутив на палец один из завитков и смешно, как лошадка, фыркнув.

— Я? — Иса поначалу даже растерялась, удивленно отклонилась назад, пока поклажа за спиной не потянула вниз, к усыпанным светлыми песчаными крупинками камням. Иса ойкнула — приливший к щекам жар она старалась не замечать — и поправила ношу, давящую плетеными лямками на плечи. — Я к детишкам, в «Берег надежды», с подарками.

— А-а-а, — протянула девчушка, тут же потеряв к ней всякий интерес. Даже это «А-а-а» Исе ответил ее затылок. Сама она занырнула в полный драгоценностей мешок.

— Хорошего дня. — Исе стало неловко, будто она с подарками была не уместнее танцоров в церквях. Помахав на прощание, она направилась в нужную сторону бочком.

К «Берегу надежды» вел широкий горбатый мост из белого камня. Держался он на тоненьких колоннах и, видимо, на честном слове. Очень давно Иса впервые задумалась о двух вещах: кто решил возвести двухэтажный приют на островке, который могучим китом выныривал из волн под боком у Ильгерда, и кто выбрал это абсолютно неуместное название. Ведь песчаный берег опоясывал громаду державших приют скал. И надеялись тут, скорее, не сорваться туда, где твое переломанное тело утащит первый же голодный прилив.

Впрочем, со временем от приюта к пляжу протянули винтовую лестницу, серпантином огибающую островок. Она справлялась с возложенными обязанностями, а еще с нее весело было спускать новые игрушки — чтобы проверить на прочность — и колоть орехи на верхних, наверное самых крепких, ступенях. Даже сейчас Иса увидела на площадке пока еще не сметенные ветром узорчатые скорлупки и улыбнулась. Дети, которые росли под молчаливым приглядом города-спутника, не менялись. Разве что воровать стали меньше, поняв: зачарованные вещички они далеко не унесут, те будут тяжелесть с каждым шагом, пока не рухнут на землю, порой — вместе со своим неудачливым похитителем. Уже давно торгующие маги выучились подобным хитростям. Обычные же люди обходились старым добрым запугиванием, которое безотказно работало что десять лет назад, что сейчас.

— Иса идет! — заверещал впереди тонюсенький голосок.

Тут же на верхнюю ступеньку, усыпанную свежими скорлупками, взобралась юркая девчушка с белой длинной косой, болтающейся туда-сюда при каждом движении. У нее было короткое платье цвета едва распустившейся листвы, а острые коленки короновала свежая корка. А еще у девочки было говорящее имя: Ящерка. Подскочив на месте, Ящерка бросилась Исе под правую руку, туда, где у пояса, замотанные в тряпки, болтались мечи, то и дело ударяясь о сапог. Ее часто спрашивали: и не тяжело постоянно таскать на себе тяжести? Она пожимала плечами: привыкла, видимо. А вот малышню оружие всякий раз приводило в восторг. Возможно, его появления ждали больше Исиного.

— Иса! — заголосила Ящерка, пытаясь ухватить покачивающуюся у бедра рукоять. — А мы вчера жуков ловили!

— Надеюсь, удачно? — Иса сделала шаг в сторону, ускользая от цепкой ладошки и стараясь не обронить жестокое, обидное, взрослое «нельзя». Некоторые дети опрометчиво желали

вырасти и стать как она, не до конца понимая: ничегошеньки интересного, а главное, важного в ее деле нет. Так, видимость одна да внушительное гроыхание железом.

А ведь в детстве, в «Береге надежды», эту самую хрупкую Исину надежду пытались расколоть. «Ну кого тебе защищать? — тяжело бasila матушка Боль, самая мягкая из матушек, в похo-жем на мертвую медузу кружевном чепце. — Ты напоминаешь маленькую печальную собаку. Навроде тех, которых богатеи в платья да жилетки обряжают. Сама тощая — тьфу. Это тебя тут защищать надо». Договаривала — да и хватала за ухо со всей, разумеется, любовью. Наверное, уши Исы сейчас так смешно топорщились как раз из-за этого, но она умело прятала их за волосами.

Матушка Боль уже давно не учила детей правильно выстраивать из кирпичиков жизнь. Она ушла на небесную крону, еще когда Иса только училась держать меч правильно. Матушку Боль провожали цветами и подарками, мальчишки — и некоторые девочки — отдали ей любимых деревянных рыцарей, а еще насобирали хлипкие букетики, в основном из травы, колосьев и тонких веточек.

— Всех даже утащить не смогли! — Ящерка горделиво подняла к небу острый вздернутый нос и принялась сбивчиво рассказывать обо всем, что необходимо было знать скучному взрослому о ловле жуков. Охотиться за мечом она при этом тоже не забывала.

Иса только и успевала округлять глаза и бросать ответные «Ого» или «Ну надо же». Ей очень не доставало вот таких простых радостей. И, заприметив порой деловито ползущего жука, Иса тоже хотела броситься на охоту, накрыть его куполом из ладоней. Она даже позволяла себе подобные шалости, когда рядом не было никого способного наградить осуждающим взглядом, но быстро отпускала добычу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru